

В. Н. Топоров

К ОБЪЯСНЕНИЮ НЕСКОЛЬКИХ «КУЛЬТУРНЫХ» СЛОВ В ПРУССКОМ

Лингвистическое исследование «культурных» слов имеет свою достаточно длительную историю. Обычно оно было ориентировано или на внешнюю по отношению к языку цель (денотат, т. е. реалия, стоящая за обозначающим ее словом¹), отсылающую к широкой сфере культурно-исторических связей данной традиции, или на внутреннюю, собственно языковую цель, когда отклонение формы заимствованного слова в данном языке от слова, являющегося его источником и находящегося в другой языковой традиции, интерпретируется как указание той пространственно-временной ситуации, которая характеризует усваивающий новое слово язык в момент заимствования (чаще всего проблема сводится к определению времени заимствования [в относительно-хронологическом плане, где мера времени задается шкалой языковых изменений] и места его [диалектный аспект]). Меньшее внимание уделялось ареальному аспекту «культурных» слов, когда исследователю приходится иметь дело с реальностями двух родов: некоей междуязыковой (точнее — «кросс-языковой») общностью, задаваемой распространением данного «культурного» слова в пространстве, в пределах которого слово выступает как нечто единное, неизменяющееся и, так сказать, «надязыковое» (в отношении каждого конкретного языка), или же, наоборот, некоей внутриязыковой ситуацией, которая вынуждает трактовать «чужое» слово как «свое» и, следовательно, определять его мотивировку внутри данной языковой системы (сфера «народной» этимологии, где она наиболее близко соприкасается с «научной» и «онтологической» [философской] этимологией), пренебрегая тем самым данными о существовании слова вне рассматриваемого языка. Неразличение или смешение этих двух реальностей приводит к обеднению проблематики «культурных» слов в лучшем случае и к решающему

¹ Переориентация с поиска значения-денотата на значение-сигнификат (в диахроническом плане — на нахождение сигнификата там, где перед исследователем есть лишь слово и соответствующий денотат) существенно меняет положение вещей, поскольку вскрытие сигнификата предполагает соединение системного анализа с диахронией и, следовательно, обращение к внутриязыковой проблематике. См. Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, t. 1—2. Paris, 1970.

искажению всей перспективы в худшем случае. Трудности усугубляются, когда пространство, в котором распространено данное «культурное» слово, понимается как исключительно или прежде всего языковое (т. е. как совокупность языков, заполняющих данный ареал с тенденцией к относительной дискретности или относительной непрерывности в распределении языковых характеристик в пределах ареала). Дело в том, что сам по себе язык нейтрален по отношению к «культурным» словам; точнее, он не ставит пределов распространению слов этой категории, занимая по отношению к ним приемлемо-положительную, «открытую» позицию. Отсюда — принципиальная «недиагностичность» конкретного языка в отношении «культурных» слов. Поэтому при исследовании ареального аспекта «культурных» слов существенное ориентироваться на «культурное» или даже физико-географическое пространство (а не на «языковое»). В отличие от языка «культура» отнюдь не нейтральна ни к «культурным» реалиям, ни к «культурным» словам: и те и другие она встречает на своих «границах» и определяет возможности и условия их введения или отталкивания. Что же касается физико-географического пространства, то оно коррелирует с «культурным» пространством — во всяком случае в той степени, в которой «культура» укоренена в сфере «природы», строится на ее элементах и позже — обратным образом — влияет на нее. Следовательно, и оно не нейтрально по отношению к «культурным» словам и определенным образом (хотя и вторично) сигнализирует о приемлемости или неприемлемости тех или иных «культурных» слов на данной территории. Эти обстоятельства достаточно убедительно объясняют, почему в ситуации, когда речь идет об ареальном аспекте «культурных» слов, «культурное» и физико-географическое пространство могут выступать как более насущная реальность, нежели языковой (лингвистической) ареал. Вместе с тем разные «культурные» слова данного языка могут отсылать исследователя к разным по объему «культурным» и физико-географическим общностям, которые могут быть между собой в разных отношениях (включение одной в другую, частичное пересечение, смежность, разъединение и т. п.). Самы эти различия характеризуют важный параметр языка — его «культурно»-лингвистический полипентризм и через него — не менее существенные исторические параметры данной территории.

Проблема «культурных» слов применительно к прусскому языку до сих пор сводилась к выявлению славянских и германских заимствований. На самом деле она значительно разнообразнее и глубже. Более того, сам вопрос о славизмах и германизмах в прусском приобретает несколько иной вид, если он рассматривается как производная (хотя и очень важная) часть более общей проблемы «культурных» слов и соответствующих ареалов, характеризуемых этими словами в качестве *«Wanderwörter»*. В качестве иллюстрации избраны три прусских «культурных» слова,

из которых одно связано с наиболее тесным и узким ареалом с четко фиксируемым центром и соответственно языковым источником; другое соотнесено с существенно более обширным и сильно размытым ареалом без определенного центра; третья же предполагает весьма конкретный и первоначально достаточно узкий ареал, разъединенный с данным (прусским) широкой зоной, и наличие вполне определенного источника прусского «культурного» слова. Естественно, что типология ареальных ситуаций в отношении «культурных» слов этим не исчерпывается.

1. Прусское название корюшки (*Osmerus eperlanus* L.)

В прусском языке известно 25 названий рыб (*suckis*), см. Эльбингский словарь, позиции 561—585. Кроме того, кое-что может быть извлечено из лексики немецких восточно-прусских говоров, собранной в известных словарях F. Frischbier'a и W. Ziesemer'a (об этом см. в другом месте). Некоторые из этих названий имеют надежные индоевропейские соответствия (как, напр., прусск. *lasasso* (орфограф. *lalasso*), лит. *lāsis*, *lašišà*, лтш. *lasis* 'лосось'; прусск. *linis*, лит. *lýnas*, лтш. *linis* 'линь'; прусск. *angurgis*, лит. *ungurýs* 'угорь'; прусск. *esketres*, ст.-лит. *eškeīras* 'осетр'; прусск. *assegis* 'окунь' и др.), другие являются несомненными заимствованиями (как, напр., прусск. *grundalis* 'пескарь' из нем. *Grundel*, *Gründel*; прусск. *rapis* из ср.-н.-нем. *rape* и др.), хотя иногда источник заимствования не вполне ясен². В лингво-географическом плане существенно выделение старых индоевропейских диалектизмов (в частности, названий рыб, общих балтийским и славянским языкам по преимуществу, ср. названия угря, может быть, сома и др.), общебалтийских наименований (ср. прусск. *liede*, лит. *lýdeka*, лтш. *lídaka* 'щука' и др.), внутрибалтийских изоглосс (ср., напр., прусско-куршские параллели: прусск. *brunse* 'плотва' — лит. диал. *brun̄siš*, лтш. диал. *brunča*, *bruncis*, *bruncītis* и даже ливск. *brun̄tš*; прусск. *seabre* 'рыбец' — лтш. диал. *zebre*, лит. *žiobrýs*; прусск. *starkis* 'судак' — лтш. диал. *stārkis*, *stārks*, *stérks*, лит. *stárkas*, *stérkas*³), наконец, изоглоссы, объединяющие балтийские языки в целом или частично с языками других групп, расположенных на смежных территориях. Особый случай представляет совмещение в одном ареале двух или нескольких разных названий одной и той же породы рыб. В прусском из-

² Ср. прусск. *stylecke* 'сельдь', лтш. *silke*, *siliķe*, *silkis*, лит. *silkė*, *silkis*, которые обычно выводились из прибалтийско-финского источника, ср. ливск. *sil'k*, эст. *silk* (Gen. *silgu*), *silakas*, фин. *silakka*, а теперь связываются со швед. *sillake*. См. Posti L. On the Origin of the Word *silakka*. — *Studia Fennica*, 1965, 12, p. 64—65; см. также Laumane B. *Zivju nosaukumi latviešu valodā*. Rīgā, 1973, c. 216—218.

³ Laumane B. Op. cit.

вестен лишь один такой пример; при этом он окажется надежным, если верна предлагаемая ниже реконструкция одной новой прусской лексемы, на которую до сих пор не обращалось внимания (см. ниже). Первое название корюшки в прусском, до сих пор считающееся единственным, представлено в Эльбингском словаре 579: *Malkis* как перевод немецкого *Stint*. У Траутмана это слово вообще никак не объясняется, а Эндзелин замечает, что этимология слова неизвестна («*etimologija nezināma*»)⁴; правда, тут же упоминается возможность родственной связи этого слова с лат. *malus* ‘плохой’ (со ссылкой на Walde — Рокогну II, с. 296). Впрочем, направление, в котором развивалась этимологическая мысль Эндзелина, достаточно ясно. Пробная реконструкция исходной формы прусского слова как **malkis* (?), видимо, предполагала (диминутивный?) тип образования с суффиксом *-ik-*, отраженным, возможно, в этом же значении в таких именах собственных, как *Swentiske*, *Grasicke*, *Pyrmiko* и т. п. Типологическая параллельср.-в.-нем. *stinz* ‘корюшка’: *stunz* ‘короткий’ при том, что лтш. *kīsis* (собств. — ‘ёрш’, ‘*Acerina cernua*’), иногда относящееся и к корюшке, выступает нередко как образ «малости»⁵, ориентируя на связь прусского слова с лексемой, обозначающей нечто мелкое (балт. **mal?*). Впрочем, уже задолго до этого Калима предложил связывать другие балтийские рыбные названия — лит. *mālė* ‘мелкая рыбешка’, ‘*Phoxinus phoxinus*’, лтш. *male* ‘*Blicca argyroleuca*’ — с слав. **malъ*, рус. *мáлый*⁶; сюда же и славянские названия рыб типа рус. *моль*, *молька* ‘малек’, ‘мелкая рыба’ (ср. *мальга*, *мольга*, *мольва*⁷). Френкель уже

⁴ См. Trautmann R. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen. 1910. S. 374; Endzelins J. Senprūšu valoda. Rīga, 1943, с. 207. — Едва ли основательная и ранняя попытка Буги прочитать прусское слово как (*s)malkis* и связать его с лит. *smulkus* ‘мелкий’ (обычно *smulkus*, *smulkūs*), лтш. *smalka-*, *smalkes*, *smelknes* (*Büga K. Aistiški studijai. Peterburgas*, 1908, с. 137); см. ниже.

⁵ Ср. пословицу: *pavasarā kīsis dārgāks nekā rudenī lasis* ‘весной корюшка дороже, чем лосось осенью’. *Mühlenbach-Endzelin* 2, S. 389; ср. там же: *kad viirs iet zvejuot, bet ne kīsa nedabū* (‘малость’ > ‘ничто-жество’), ср. *kīsi* ‘viele kleine Dinge zusammen, lebendige wie leblose’). К сочетанию ‘малости’ и ‘множественности’ ср. *nak tie bērni katru gadu kā kīsi*. Это латышское слово заимствовано из ливск. *kīš* ‘ёрш’, ‘корюшка’. См. Thomsen V. Beröringer mellom de finske og de baltiske (litauisk–lettiske) Sprog. København, 1891, с. 262; Kettunen L. Livi-sches Wörterbuch. Helsinki, 1938, с. v. *kīš*.

⁶ См. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, S. 166 и след.; ср. Laumane B. Op. cit., с. 131—132. — Такие контексты, как лит. *mālių sugavom, bet didesnių nei vienos* ‘мелких рыб (состр. ‘*Phoxinus phoxinus*’) поймали, а более крупных ни одной’ (см. Lietuvių kalbos žodynas, VII. Vilnius, 1966 (далее — LKŽ), с. 795), также как бы играют на противопоставлений двух смыслов — малое: большое.

⁷ См. Фасмер II, с. 648—649; Fraenkel, S. 401; Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб. Л., 1972: 6.3.1; 12.31.1; 12.40.6; 12.40.7. Впрочем, некоторые из формально близких названий могут иметь и иное происхождение (ср. *молвец* ‘язь’: 12.32.8; возможно, *мольва* из семейства тресковых, сопоставляемое с лат. *molva* и др.).

определенно относит к этому ряду и прусск. *malkis*, предполагая, что это слово содержит тот же диминутивный суффикс, что и в в.-луж. и н.-луж. *małki*, болг. *малъкъ*, рус. *маленький*, польск. *maleńki* и т. п. В таком виде этимология прусск. *malkis* приобретает правдоподобие, но, конечно, она еще далека от вполне корректной формы. Решающим звеном, позволяющим достичь такой формы, следует считать анализ рус. *моль*. Дело в том, что обычно упускают из вида, что это слово обозначает не только мелкую рыбу, причем л ю б о й породы⁸, но и вообще 'мелкие предметы, мелочь.; что-либо, состоящее из отдельных несоединенных предметов; россыпь (обычно о лесе, сплавляемом не связанными между собой бревнами'⁹). Особенно существенно, что *моль* обозначает и разрозненные бревна, находящиеся в беспорядочном множестве (на воде или на сушке), и мелкую рыбешку, в частности, снетки, корюшку. Эта связь позволяет сделать два более чем вероятных заключения и применительно к балтийскому материалу: во-первых, что прусск. *malkis* 'корюшка' — слово того же корня, что и прусск. *malko*, которое в словаре Грунау (позиция 43; орфограф. *nalko*) переводит нем. *Holz* 'древа', лит. *málka* (*malkà*) 'полено', 'древа' (*málkos*, Pl.), 'куча' (как дров, так и разных других предметов)¹⁰, лтш. *małka* 'древа' и т. п.¹¹; во-вторых, что все эти слова родственны, этимологически связаны с рус. *моль* в указанных значениях. Очень существенно указание Егерса, что лтш. *małka* «fast immer von z e r s p a l t e n e m Holz gebraucht wird»¹². Таким образом, действительно, оказывается, что балт. **mal-*, **malk-*, как и слав. **mol-* (**mol-ъk-?*), описываются признаками: 1) 'мелкости', 'малости', 2) 'раздробленности', 'расщепленности', 3) 'множественности' и 4) 'хаотичности', 'беспорядочности'¹³. После сказанного не должно вызвать удивления, что слав. *molъ, обозначающее насекомое и связываемое с *malti 'молоть', 'измельчать', относится, вопреки Фасмеру, сюда же, как и Adj. *mēlъkъ с продленным вокализмом ē (ср. прусск. *mel-*

⁸ Особенno показательно, что снетки (т. е. та же корюшка) обозначаются как моль. См. *Даль*² II, с. 344.

⁹ См. Словарь современного русского языка, т. 6. М.—Л., 1957, стб. 1213: Вся поверхность реки покрыта плывущей древесиной или . . . «молью»; По этим речкам не молем, а связанным в десять—пятнадцать бревен плотами стремится лес в Куру и т. п. Ср. *молевой лес*, *молевой сплав* (т. 6, стб. 1167—1168).

¹⁰ Ср.: «krūva eilémis sudéti medžių kurui, gietuvė», «krūva sumestu, suverstu daiktą» (и даже 'отряд', 'колода карт' и т. п.) см. LKŽ, VII, с. 799—800.

¹¹ Финн. *malka*, *malko*, эст. *malk*. заимствованы из балтийского, ср. Nieminen E. — Finnisch-ugrische Forschungen 22, S. 22 и сл., 40.

¹² Ср.: Fraenkel, S. 402. Между прочим, здесь же выражено согласие с мнением Егерса о связи слова с лтш. *smalks*, лит. *smulkus* (ср. выше о мнении Буги).

¹³ Разумеется, следует учитывать, что исторически одни из этих признаков производны от других и что в конкретных словах некоторые из этих признаков могут нейтрализоваться.

tan ‘мука’, но *malunis* ‘мельница’ и многочисленные соответствия и параллели в восточнобалтийских языках, не говоря о многих других). В контексте схемы, объединяющей все эти факты, находит свое объяснение и прусск. *malkis* ‘корюшка’.

Другое название этой рыбы восстанавливается на основании прусского имени собственного *Jaunestinte*, отмеченного в источнике, относящемся к 1347 г.¹⁴. В этом имени, представляющем собой сложное слово, первый член *jaun-* находит себе точные соответствия в лит. *jáunas*, лтш. *jaüns*, слав. *jupъ (балто-слав. **jaun-*) и т. д.¹⁵, а второй представлен в таких прусских именах, как *Stintil*, 1317, *Styntil*, 1344, 1370, *Stintyle*, 1348; *Stintele*, 1299, *Stintel*, 1302, 1418¹⁶. Напрашивается предположение, что элемент **stint-* и есть корень слова, обозначающего корюшку (*Osmerus eperlanus L.*) или вообще корюшковых (*Osmeridae*) и заимствованного из спр.-н.-нем. *stint*, откуда и н.-в.-нем. *Stint*¹⁷. Из этого же источника были получены соответствующие названия и в других языках этого ареала, в частности, в балтийских. Ср. лит. *stinta* ‘снеток’ и особенно *tažóji stinta* как обозначение корюшки по принципу ‘малый снеток’, в отличие от ряпушки (также принадлежащей к корюшковым), обозначаемой как ‘большой снеток’ — *didžiöji stinta* (ср. в латышском словаре Ланге 1777 г.: *stintes* ‘kleine Stinte’, die grossen heißen *Sallakas*, II, 327). В высшей степени показательно, что лит. *tažóji stinta* практически полностью соответствует структуре прусского Nom. pr. — **jaun-* & — **stint-* ‘молодой (т. е. ‘маленький’, ‘мелкий’) снеток’, иначе говоря, — ‘корюшка’. Поэтому в Nom. pr. *Jaunastinte* предлагается видеть в т о р о е отражение апеллятива со значением ‘корюшка’. Следует заметить, что «корюшковые» имена весьма распространены в этом ареале. Ср. лтш. *Hans Stinte*, 1582 (Rīgā)¹⁸, немецкие имена на *Stint-*, рус. *Снеток*, *Снетков*, ср. *Ряпуха*, 1585 (крестьянин из Пскова)¹⁹ и др. Характерно, что заимствованное название этой рыбы известно всем без исключения языкам, которые расположены вокруг Балтийского моря, в частности, на его южном побережье (в этих условиях было бы крайне странным, если бы это слово отсутствовало только в прусском). Ср. нем. *Stint*, *kleiner Stint*, *kurzer Stint* ‘озерная салака’; кашуб. *stynt*,

¹⁴ См. Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925 S. 39, 141.

¹⁵ Ср. прусск. Nom. pr. *Jawne*, 1397, *Javne*, *Jawno*, *Jawno*, *Jawnutte*, *Jawnucke*, а также сложные имена *Jawnegede*, 1394; *Jawnegoth*. Ср. топоним *Jawnenisken*, 1409.

¹⁶ Trautmann R. Op. cit., S. 99.

¹⁷ См. о нем. Kluge-Götze, S. 595; Hellqvist, c. 1077; Karsten T.E. — Mémoires de la Société Néophilologique, 1895, t. 3, p. 424. и сл.

¹⁸ Blese E. Latviešu personu vārdu un uzvārdū studijas. Rīgā. 1929, c. 258.

¹⁹ Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, с. 275; ср. также с. 294, где упоминается также крестьянин из Пскова Иван Снетков (1585).

stinka, польск. *stinka, stynka, sztynka*; блр. *стынка* (Каспяровіч 295); лит. *stīnta, stīntelė, stītinė žuvys* и т. п.²⁰, лтш. *stīnta, stīntė*, *stīnts, štinta*; *stinka* 'озерная салака', *stīnte, stīntė, stīntis*²¹. Обилие уменьшительных образований от этих слов (как и определения типа «малый», «короткий») бросает свет не только на структуру прусск. **jaun-* & **stint-*, но и на прусские имена этого корня — *Stintil, Stintel* и т. п. ('салакушка', 'снеток'?). Заимствованный характер балтийских слов, приведенных выше, не вызывает сомнения²². Территория, на которой известно это заимствование, тянется и далее к северу (р. эст. *tiit, tint, peipsi-tint*, ижор. *tintti*, фин. *sintti, tintti* и др.), а потом распространяется к западу и югу вокруг балтийского моря (ср. норв. диал. *stinta, stinte*, швед. *stint*, дат. *stint* и др.), смыкаясь с ареалом говоров немецкого языка и прусскими землями. Этот по кругу расположенный ареал с очень однообразными формами имеет идущий к востоку appendix, который на восточнославянской территории быстро теряет четкость своих границ. Это второе направление представлено русскими называниями *снетбк, снитбк, снятбк* (ср. блр. *снятбк*), особенно полно представленными в псковских и новгородских говорах (ср. *снѣтъ* в Псковской летописи под 1626 г.), а также заимствованиями из русского (ср. лтш. *snitka, snata, šnata, snats, snatka, snets, snetka, snetks, snitka, šnitka, snitks* и т. п., карельск. *снетку* и др.)²³. Учитывая формы типа *снет, снеть, снит, снят*, может быть, *снетинка*, можно еще раз высказаться в поддержку старой точки зрения о том, что эти слова восходят в конечном счете к ср.-н.-нем. *stint*, вероятно, через финское посредство (*sintti* > **snit-* > **snѣt-* > *снет* — лишь как один из возможных вариантов)²⁴. Вместе с тем в связи с формами типа рус. *снѣтъ* трудно полностью преnебречь слав. **snѣt-*, отраженным в чеш. *snѣt'* 'сук' или укр. *сніт* 'колода', — особенно, имея в виду круг значений, напоминающих то, о чем писалось выше в связи с прусск. *malkis* — *malko*²⁵.

²⁰ Nesselmann G. H. F. Wörterbuch der litauischen Sprache. Königsberg, 1851, S. 501; Kurschat F. Litauisches-Deutsches Wörterbuch. Halle, 1883, s. v.; Bezzenger A. Litauische Forschungen. Göttingen, 1882, S. 177, и др.

²¹ Mühlenbach—Endzelin 3, S. 1071; Laumane B. Op. cit., c. 89—91, 101—102.

²² См. Alminauskas K. Die Germanismen des Litauischen. I. Die deutschen Lehnwörter im Litauischen. Leipzig, 1934, S. 119—120; Mühlenbach—Endzelin 3, S. 1071; Sehwers J. Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluß im Lettischen. Leipzig, 1936, S. 123; Fraenkel, S. 906.

²³ См. Laumane B. Op. cit., c. 87—90 и особенно карту 5.

²⁴ См. Фасмер III, с. 698 (здесь же литература вопроса); Leder I. Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1969, S. 44; Герд А. С. — В кн.: Беларуская лексікалагія і этымалогія. Мінск. 1968, с. 37; Он же. — Советское финно-угроведение, 1970, № 2, с. 88; ср. Линдберг Г. У., Герд А. С. Указ. соч., с. 118—120.

²⁵ Кстати, уже давно это **snѣt-* было сближено с готск. *sneifan* 'резать' (как и *malko* — *malti, *melti), см. Levy E.—KZ 1907, Bd. 40, S. 561.

В этом широком ареально-языковом контексте прусск. **stint-*, как и **stint-il- / *stint-el-* и особенно **jaun-* & **stint-*, давшее повод к установлению самой лексемы и определению ее значения, занимают свое вполне надежное место.

2. Прусское название можжевельника (*Juniperus communis L.*)

В Эльбингском словаре 608 словом *kadegis* переводится нем. *Eynholz*²⁶. Отражением этого же прусского слова являются и немецко-прусские диалектные обозначения, распространенные по всей Восточной и Западной Пруссии и отчасти за ее пределами (Kr. Flatow, Kr. Dt.-Krone). Специфика ситуации состояла в том, что прусское название можжевельника, имеющее многочисленные параллели в языках, расположенных к востоку и северу от южного побережья Балтийского моря, само стало «вторичным» «культурным» словом для немецкого северо-востока. Центр иррадиации, несомненно, находился в Вост. Пруссии. Об этом, между прочим, свидетельствует то обстоятельство, что именно для этих мест (особенно в сев.-вост. части Пруссии, в окрестностях Кенигсберга и Данцига²⁷) характерны формы *Kaddig*, *Kaddik*, *Kaddeck*²⁸; в этих же местах отмечен целый ряд сложных слов с элементом *Kaddig-*: *Kaddigbeere*, *Kaddigheister*, *Kaddighopser*, *Kaddigmüs*, *Kaddigpalve* «Palwe mit Kaddigesträuch bestanden», *Kaddigspringer* и т. д. Форма *Kattich* есть не что иное, как гиперфонетический (по верхненемецкой модели) вариант слова *Kaddig*, которое может восприниматься как нижненемецкое слово, которое, кстати, существует реально (н.-нем. *kaddik*)²⁹. Не подлежит сомнению, что уже на немецкой почве это заимствование из прусского продвинулось сильно на запад (Зап. Пруссия, Померания, Мекленбург, Бранденбург, Альтмарк, вплоть до Гамбурга — вероятно, благодаря ганзейским связям первых нижненемецких колонистов в Вост. Пруссии). Во всяком случае из всех балтийских заимствований в немецком это слово завоевало наибольший ареал, попав даже в нововерхненемецкую письменность³⁰. Тем не менее границы его продвижения на запад достаточно определены

²⁶ К реалиям см. *Pritzel-Jessen H. Die deutschen Volksnamen der Pflanzen*. Hannover, 1882; языковый аспект проблемы отображен в ст. *Kluge F.* — IF 1907, Bd. 21, S. 360.

²⁷ В окрестностях Данцига употреблялось и другое обозначение можжевельника — *maxändsl.*.

²⁸ См. *Grimm V*, S. 17; *Frischbier F. Preußisches Wörterbuch*. Bd. 1. Berlin, 1882, S. 324; Bd. 2, 1883, S. 531.

²⁹ Исключение составляют такие формы, как *katk* в р-не Бреслау и *kark* у Фришгаха. См. *Ziesemer W.* — *Zeitschrift für deutsche Mundarten*. 1923, Bd. 18, S. 153.

³⁰ См. *Bielfeldt H. H.* — *ZfSl.* 1963, Bd. 8, S. 156; *Idem. Die baltischen Lehnwörter und Reliktwörter im Deutschen*. — В кн.: *Donum Balticum*. Stockholm. 1970, S. 47.

(ср. нем. *Wacholder*, дат. *ene*, нидерл. *jeneverbes*, франц. *génévrier*), и следует отвергнуть высказывавшуюся мысль о связи этого слова с франц. *cade* 'Juniperus oxycedrus' которое, как и прованс. *cade*, *cadre*, связано с позднелат. *catus* (ср. лат. *catus* 'острый', 'колючий', из сабинского)³¹. Следы прусского слова для можжевельника обнаруживаются в кашубских и польских говорах северной Польши. Ср. кашуб. *kaduk*, *kadik*, *kaděk* с характерной фразеологией (ср.: *jic u kaduk'i* 'итти в кусты можжевельника с естественной надобностью' (ср. возможное притяжение с *kadac* 'pierdzieć') или пословицы типа: *Spróbuj věrvac kaduka*; *Tak je mocni, że bě kaduka z kořenota věrvat*; *že kaduk rosce, tam xleba ne jádajq*, с намеком на песчанистую почву, на которой растет можжевельник)³². Весьма характерны такие слова, как кашуб. *kadūk*, *kadęk* 'чорт', *kadūči* 'проклятый', 'чертовский', привлекающие внимание в связи с названием можжевельника и соотносимой с ним символики нижнего мира³³, см. ниже. Польск. *kadyk* (ср. *kadykowu*) также является прусским заимствованием, хотя в ряде случаев точнее было бы говорить о заимствовании через немецкоязычную среду (ср. характерный ареал слова — вся Зап. Пруссия по Торунь и Тухолю). Интересно, что в Мазовье это слово отмечено только в Сувалкии и под Млавой³⁴, что дает веские основания для предположения о наличии этого слова и в ятвяжском. О том же, может быть, говорит и наличие этого слова в Полесье³⁵. Отдельные редкие случаи употребления этого слова дальше к югу и юго-западу³⁶ могли бы, скорее всего, объясняться влиянием немецкого (ср. проникновение этого немецкого слова из Вост. Пруссии в Силезию); это влияние отчасти могло быть поддержано глаголом, восходящим к слав. *kaditi (его связь с названием можжевельника в ряде случаев довольно очевидна). Тем не менее, эти изолированные случаи в целом выглядят как нечто вполне окказиональное. Исключая эти последние примеры, можно сказать, что весь описанный ареал этого слова имеет своим эпицентром Вост. Пруссии, что, кажется, подтверждается и то-

³¹ См. Brüch J. — IF 1922, Bd. 40, S. 197—198, 213.

³² Sychta II, str. 118; Lorentz. Pomor. I, S. 325.

³³ Ср. брл. *кадук* 'дьявол', 'злой дух', 'падучая', бранное слово. См. Сцяшкович Т. Ф. Матерыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск. 1972, с. 204; Расторгуев П. А. Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973, с. 127; З народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 141; Даль² s. v.; Филин 12, 301 и др. (отмечено и в украинском, и однажды даже во Владимирской губ.).

³⁴ См.: Nitsch K. Wybór Pism Polonistycznych, II. Wrocław-Kraków. 1955, с. 122; III, 1954, с. 366. Ср. также: Tyborczyk J. — Poradnik Językowy, 1964, с. 262—269; Bednarczuk L. — Acta B. — Sl. 9, 1976 и др.

³⁵ Об этом слове в польско-белорусском ареале (кроме Нича) см. Safarewicz J. Studia językoznawcze. Warszawa, 1967, с. 242; Cienkowski W. — Poradnik językowy, 1963, с. 221; 226; Lauchütte Ю. А. Лексические балтизмы в славянских языках. Л., 1971, с. 292—298 (машинопись) и др.

³⁶ Ср. чеш. *kadík* (Kott I, с. 655) и даже с.-хорв. *kadik* (см. Šulek B. Jugoslawenski imenik bilja. Zagreb, 1879, с. v.).

понимическими данными³⁷, а отчасти и косвенно — мифopoэтическими представлениями о можжевельнике, в частности, в этих местах. Среди разных свойств этого хвойного растения (из семейства кипарисовых), объясняющих его использование в неожиданно широкой сфере, наиболее выдающееся связано с издаваемым им при сжигании характерным «балзамическим запахом»³⁸. Есть сведения о почитании этого растения у балтов, которые считали его священным. Генненберг (1595) в этой связи сообщает о двух местах в Пруссии под названием Heiligwald (около Кенигсберга и около Христбурга). Здесь же характерная приписка: «Heyligwald ist ein kleines Weldigen in Samaiten hart an der Preuschen Grentze, darinnen schöne hohe Bircken stehen, darunter auch Kattich oder Wacholderbeerholtz wechszt, den die Samaiten noch für heilig halten, darinnen man gar nichts darff abhawen, auff das jhre Götter, so darinnen wonen, nicht verletzt werden, vnd das sollen gleichwol Christen sein. Besihe Sim. Grun. Tract. 13, c. 15 vnd Mechouim lib. 4 fol. 283»³⁹ Спустя сто лет сообщается, что в можжевельнике сидит дьявол, не позволяющий рубить растение⁴⁰. Перемена мотивировок (бог — дьявол) связана, конечно, с кризисом прусского язычества. Однако и в начале XVIII в. Преториус пишет о почитании этого растения как у пруссов-шалавов, так и у жемайтов⁴¹.

Сходное название можжевельника хорошо известно и к востоку от прусской территории, в восточно-балтийских языках. Существенно отметить, что обычно оно распространено или лучше всего представлено в говорах, расположенных в западной части данной языковой территории. Особенно показательно распределение слов для можжевельника в литовской языковой области. Весь запад Литвы (условно — за линией, соединяющей Пакраусис, Кедайнай, Каунас, Алитус) занят формами *kadagys*, *kādagis*, а также *kādagis*, *kadagēlis* (сев.-зап. территории, тяготеющие к морю) и

³⁷ Ср. *Kadgienen*, *Kadegienen* (Kr. Labiau), *Kaddig-haus* (Kr. Wehlau) и т. п.

³⁸ До сих пор широко распространен обычай сжигания ветвей и ягод можжевельника при похоронах (ср. также устилание пути его ветвями), что связано с представлением о нем (как и о его сородиче кипарисе) как о растении, символизирующем смерть и ее царство. Ср. описание сжигания можжевельника или кедра (также Juniperus) для благовонного окуривания уже у Гомера (ε 59—61), бальзамирования с помощью кедрового масла у египтян и парения скифов у Геродота (II, 87, IV, 75) и т. п. В римской литературе о сходных свойствах можжевельника писали Плиний Старший, Вергилий, Варрон. Ср. также использование этого растения в народной медицине, кулинарии, обрядовой практике (вплоть до вырожденных форм — ограда из можжевельника вокруг дома) и т. п.

³⁹ Hennenberger. Erklärung der Preussischen grössten Landtaffel oder Mappen. Königsberg, 1595, S. 157.

⁴⁰ M. Chr. Hartknoch. Alt- und Neues Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile. Frankfurt — Leipzig, 1684, S. 164.

⁴¹ См. Fischer A. Etnografia Dawnych Prusów. Gdynia, 1937, с. 43. В более широком плане — Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd. 2. Berlin — Leipzig, 1929, S. 612 и др.

kadugŷs, kâdugis, kadûgis (юго-вост. территории за Неманом, с узкой полосой, уходящей на север в междуречье Дубисы и Невежиса). Но на самом западе этой территории, в Клайпедском krae, чуть к югу от Клайпеды, а также в р-не Шилуте (немного к сев.-вост. и к юго-вост.) отмечены формы, совпадающие с прусскими, — *kadegŷs, kâdegis, kâdekis*. Зато к востоку от указанной выше линии встречаются исключительно формы другого корня (*êglis, êglius, églis, églius, églŷs; âglis, âglius, êglius, agliûkas, eglîukas; verbâ*)⁴². В связи с лит. *kadag-* (*ug-, eg-*) уместно вспомнить об остающемся до сих пор не объясненным *kâdagas* 'особая болезнь' («tokia vaikų ir suaugusių liga, pasireiškianti sąnarių tamprumi, virgėjimu»), 'припадок' ('priemêtis'), 'дрожь' (LKŽ 5, с. 39). По-видимому, отношение этого слова к названию можжевельника такое же, как и в рус. *можжевельник*: *можжуха, мозжуха* 'ломота', 'костолом', 'озноб' (но и 'можжевельник!'), ср. *можжить, мозжить* 'ныть', 'ломить', 'бить' (о лихорадке и т. п.). Кстати, и лит. *kadagŷs* как название старинного литовского танца, видимо, ориентировано на идею мелких прерывистых движений, своего рода подергиваний, дрожи, «ломаний». Вообще следует заметить, что название можжевельника прочно вошло в символику литовского фольклора⁴³ и в контексты, ориентированные на звукоизобразительность и мифо-поэтическое этимологизирование⁴⁴. В латышском языке (Кулдига, Лиепая) известна форма, также точно соответствующая прусской, а именно *kadeg'is* (Mühlenbach — Endzelin II, с. 131 объясняют ее, хотя и с неуверенностью, как литуанизм, в чем, кажется, нет принципиальной необходимости из-за наличия таких двух рядов, как *kadegs* и *kadig'is* и т. п., см. ниже); ср. также *kadegs*⁴⁵, *kadeķis, kadig'is, kadiķis, (kadiķiene)*; *kadags* (II, с. 131—132); *kadiķe, kadaks, kadegs* и др.⁴⁶ Однако эти формы при всем их сходстве неоднородны по происхождению: одни из них (учитывая их географическое распространение) восходят, видимо, к куршскому

⁴² См. Lietuvių kalbos atlasas. I. Leksika. Vilnius, 1977, 61 (с. 165), карта № 91; Senkus J. Kadagys ir églis. — Tarybinis mokytojas 1964, VII, 23; Lipskiénė J. Dėl kadagio pavadinimo. — Kalbos kultura 1964, sas. 7, с. 63—65. Кроме указанных в Атласе форм ср. *kadagius, kada-gynas, kadagėtas, kadaginé, kadagyné, kadaginis, kadaginukas, kâdagmedis, kâdaguoġé, kadugýnas, kaduginé, kaduginis, kâduguogé, kadugiāzole.* — LKŽ 5, с. 39, 45.

⁴³ Cp.: O ir priéjau ir prikéliau *kadagužiu* girelę; O aš priéjau ir privan-dravau *kadagužiu* girelę; Iškyla... iš marelių juods *kadagių* laivelis и т. п., о чем подробнее см. в другом месте.

⁴⁴ Cp.: *užsidegė kaip kadugys* или *geras botagas iš kadugių*, с одной стороны, и *kadugio šluota aslužę šlavę* и т. п., с другой (см. LKŽ 5, с. 45).

⁴⁵ Cp.: BW 3707, 1: vici mazi *kadedzini* zelta ziedis nuoziedėja, где *kadedzinš* предполагает *kadedzis*. См. Büga K. Rinktiniai raštai, I. Vilnius, 1958, с. 308; III, 1961, с. 821.

⁴⁶ См. Rūķe-Dravīna V. Die Benennungen des Wacholders im Baltischen. — Orbis, 1955, Т. 4, SS. 390—409; Idem. Zviedrijas Filologu Biedrības Raksti 1947, 1, с. 160 и сл.; Zeps V. Latvian and Finnic Linguistic Convergencies. The Hague, 1962, p. 116—117.

наследию⁴⁷; другие (как *kadiķis*) — к заимствованиям из нижненемецкого; третьи могут быть признаны собственно латышскими. Топонимические данные помогают не только установить ареал указанных слов для можжевельника, но и особенности его членения⁴⁸. На восточнобалтийской территории это название можжевельника было усвоено и рядом иноязычных конклавов, ср. рус.-диал.-прибалт. *кáдык*⁴⁹, евр.-лит. диал. *kadegines*, евр.-нем.-балт. *kádeges* и др.⁵⁰, нем.-балт. *Kaddak*, отличающееся от прусско-немецких форм и, возможно, заимствованное из вост.-балт. *ka-dag(a)s*.

Балтийское название можжевельника вызывает споры о его происхождении. Одни видят в нем исконное индоевропейское наследие и указывают круг возможных параллелей. Хотя они и не обладают высшей убедительностью, но нередко в текстах народной словесности или в объяснениях *impromptu* подтверждаются сходными семантическими мотивировками и поэтому не могут считаться ложными, — во всяком случае в определенных пределах. Внутри балтийских языков название можжевельника обычно сопоставляют с прусск. *-cod-is* в назывании дымохода (*accodis*); в свою очередь *-cod-is*, несомненно, связано с слав. **kaditi*, **kadi(d)lo* (ср. ст.-слав.), **čaditi*, **čadъ* и их продолжениями. Остальные соответствия, приводившиеся по этому поводу, были еще более гадательными или вовсе неубедительными⁵¹. Ср. др.-греч. *χέδρος*, *χέδρις*, др.-инд. *kadrú-* ‘коричневый’, ‘бурый’ (и даже *kadamba* ‘*Nauclea cadamba L.*’), алб. *k'et* ‘ладан’ (его, впрочем, связывают не только с и.-е. **ked-mo-*, но и с слав. **korotъ*) и др.⁵² Другие специалисты исходят из неиндоевропейского происхождения на-

⁴⁷ См.: *Būga K.* Op. cit., III, с. 208.

⁴⁸ Ср. лит. *Kadagiai*, *Kadagynači*, *Kadagynas*, *Kadaginė*, *Kadagynė*, *Kāda-giškiai*, *Kadugiai* (Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. Vilnius, 1976, с. 115); лтш. *Kadēgi*, *Kadagi*, *Kadegas*, *Kadags*, *Kadagas-ęzers*, *Kadega-kalns*, *Kadeg'i*, *Kadeg' u-ciems*, *Kadeg u-kalva*, *Kadeg' u-mežārgs*, *Kadeg'iens*, *Kadeg'is*; *Kadiķi*, *Kadiķis*, *Kadiķa-kalns*, *Kadiķa-mājas*, *Kadiķu-ganība*, *Kadiķ-kalēji*, *Kadiķu-kalva*; *Kadak-ęzers* (?) (*Endzelins J. Latvijas PSR vietvārdi*, 1. 2. Rīgā, 1961, с. 2—3). В Курзeme всего 20 топонимов этого корня, в Видземе только 5, в Земгале — 2; см. *Dambe V.* — *Baltistica*, I priedas, 1972, с. 57).

⁴⁹ Филин 12 302.

⁵⁰ См. *Lemchenas Ch.* Lietuvių kalbos įtaka lietuvių žydu tarmei. Vilnius, 1970, с. 83—84. Ср. также евр.-лтш. *kādik*, объясняемое Лемхенасом из нижненемецкого. Иначе (из латышского) — *Kalmanovič Z.* Der jidisher dialekt in Kurland. — Filologische Schriften fun jidish visnshaftlechn institut. Vilnius, 1926, № 1, S. 183.

⁵¹ Во всяком случае они обычно уступали славянским примерам, которые нередко могли предложить хотя бы вторичные семантические мотивировки названия, ср. кашуб. *kadik*: *kazēc*, польск. *kadyk*: *kadzić* и т. п.

⁵² См. *Lidén E.* — IF 1904, Bd. 18, S. 491; *Petersson H.* Studien über die idg. Heteroklise. Lund, 1921, S. 104 и сл.; *Charpentier J.* — Glotta 1918, Bd. 9, S. 56; *Brückner A.* — IF 1922, Bd. 40, S. 199 и сл.; *Loewenthal W.* — WS 1927, Bd. 10, S. 161; *Machek V.* — Slavia 1929—1930; гоčn. 8, с. 216; *Pokorný I.*, S. 537; *Çabej E.* Studime gjuhësore. I. Prishtine 1976, с. 272—273 (алб. *kem/qem* из греч. или лат. *thymianta* с изменением: **kjam* > **kiēm* >

звания можжевельника и сосредотачивают внимание на сходных названиях в других языках, прежде всего в прибалтийско-финских (однако важно то, что они имеют соответствия и в других группах финских языков, в частности, там, где балтийские заимствования практически неизвестны). Ср.: ливск. *kadāg*, *gadāg*, *gaDāg*⁵³, эст. *kadakas*, *kadak*, водск. *katagg*, фин. *kataja* (диал. *katava*), карел. *kadaja*, вепс. *kadaǵ*, *kadag*⁵⁴ и др. На сходство этих слов с балтийским названием можжевельника обратил внимание еще Томсен (Op. cit. 176), считавший, что прибалтийские финны заимствовали это слово у их соседей балтов. Однако Сетэлэ, кажется, убедительно показал, что направление заимствования было обратным⁵⁵. С тех пор количество аргументов в пользу этой точки зрения значительно увеличилось, и большинство исследователей явно или с некоторым сомнением отдают предпочтение именно ей⁵⁶. Особенно существенны два аргумента — культурно-исторические и ареальные соображения в пользу заимствования этого слова балтами от финнов (внутренний аспект проблемы, ср. исследование В. Руке-Дравини) и обнаружение довольно многочисленных названий можжевельника этого же корня в пермских и волжско-финских языках (внешний аспект). Ср. коми *катиш* (*кас*, диал. *катиш помель*, *катишпомоль*⁵⁷), может быть, мариийск. *гож*, ср. *лјумегож* 'можжевельник' (< *лјумэ-кож 'клейкая ель'?). С известным колебанием Тойвонен отделяет от этих слов, восходящих к др.-перм. *кас, такие слова с вокализмом переднего ряда, как саам. *käsyä'se*, манс. (нижне-лозвинск.) *кэ́серіў* и др. Впрочем, и за пределами финских языков обнаруживаются формы, которые (во всяком случае внешне) напоминают

kem > *qem*) и др. Другие предложения еще менее вероятны (др.-греч. *χόδοιςέω* 'поджаривать ячмень', лтш. *cedriņš*, лат. *cedrus* и т. п.), как и шпехтовская «палеонтология» (см. Specht F. Der Ursprung der idg. Deklination. Göttingen, 1947, S. 147, 215, 246).

⁵³ См. Kettunen L. Op. cit. S. 55; Aben K. Eesti ja liivi. Tallin, 1947, c. 33.

⁵⁴ Ср. также *kadakpenzaz* 'можжевеловый куст', *kadagińe*, *kadaghińe*, *kadagihne* 'можжевеловый' (Словарь вепского языка. Л., 1972, с. 164—165).

⁵⁵ Setälä E. — FUF 1909, Bd. 9, SS. 126—128; Idem. — FUF, Anz. 25, S. 57. Тем не менее трудно полностью отказаться от мысли, что некоторые прибалтийско-финские формы этого слова не могли не оказаться вторичными (по принципу бумеранга) заимствованиями из балтийских диалектов. Как бы то ни было, но все это снова отсылает нас к проблематике балто-финских контактов и не только в вост. Прибалтике (см. Vanagas A. P. К вопросу о финно-угорском субстрате в литовской гидронимике. — В кн.: Питання гідроніміки. Київ, 1971, с. 146—151 и др.), но и в южной, на бывшей прусской территории.

⁵⁶ См. Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten baltilaiset lainasanat. Helsinki, 1936, с. 112; Idem. — In: Germanen und Indogermanen. Festschrift für H. Hirt, Bd. 2. Heidelberg, 1936, S. 211; Toivonen Y. H. Suomen kielen etimologinen sanakirja. I. Helsinki, 1955, с. v.; Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, I. М., 1953, с. 108 (ср. с. 301); Zeps V. Op. cit., p. 117; Sabaliauskas A. — Lietuvių kalbos klausimai 1963, VI, с. 118, 132; 1966, VIII, с. 23.97 и др.

⁵⁷ См. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961, с. v.; Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 118.

уже приведенные слова для можжевельника. В этой связи указывалось на чуваш. *ката* (*kada*) ‘кустарник’, ‘молодая поросль’, *катёркас*, *катёркас* ‘колючий кустарник’, ‘боярышник’ и даже якут. *кытыан* ‘можжевельник’; в более общем виде сообщалось о широком распространении близко звучащих слов в тюркских и монгольских языках, среди которых особенно выделяются ойротские (алтайские) факты⁵⁸. В целом, однако, эти указания недостаточно надежны и конструктивны, но следует, конечно, иметь в виду, что семантическая мотивировка названия можжевельника остается неясной и для финноязычных примеров. Несомненно, впрочем, что это название распространялось по обширным и разноязычным территориям именно как «культурное» слово, вырвавшееся из-под контроля закономерностей, действующих в пределах генетически единой языковой группы. Но это не означает отказа от поисков закономерностей иного рода даже в условиях, которые могут показаться близкими к языковому хаосу⁵⁹.

3. О названии латуни в прусском

В списке слов, обозначающих металлы, в Эльбингском словаре (526) прусск. *kassoye* передает нем. *Messing*. Ему предшествует (525) название меди (*wargien*) и за ним следуют названия олова (*alwīs*, 527) и цинка (*starstis*, 528)⁶⁰. Прусское слово выглядит для этих мест совершенно уникальным. Удивительно и то, что, во всех соседних языках слова для латуни вполне ясны: это или оригинальное новообразование с четкой структурой частей (лит. *žálvaris*, эст. *valgevask* и т. п.) или — чаще — заимствования, как правило, многостепенные:ср. н.-в.-нем. *Latūn*,ср.-н.-нем. *laton* из итал. **lattone* (венец. *laton* от *latta* ‘жесть’), ср. ср.-греч. λατούν, рус. латунь (не говоря о гипотезе Рясиенена о тюркском происхождении этого слова) или же нем. *Messing* (как и другие германские обозначения, видимо, восходит к лат. *massa* ‘слиток’, ‘глыба’, ‘ком’, ‘масса’) и заимствованные из негопольск. *mosiadz*, кашуб. *mosqg*, *mosqż*, в.-луж. *mosaz*, н.-луж. диал. *mōsez*, чеш. *mosaz*, словац. *mosadz*, укр. мосаж, рус. **мосяг* (ср. фамилию *Мосягин*⁶¹); лтш. *misiņš*, лит. *mīsingis*, *mīsingas*, *mīsinē*; эст. *messing*, фин. *messinki* и т. п.⁶² Первоисточник этих слов лежит,

⁵⁸ См. Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, с. 39.

⁵⁹ Существенно возможно более полное выяснение типологии семантических мотивировок этого названия. Некоторые из них заслуживают особого внимания (ср. напр., рус. елёнец ‘можжевельник’ и т. п. при однокоренном арм. *elevin* ‘кедр’, см. Solta G. Stellung der Armenischen im Kreise der idg. Sprachen. Wien, 1960, S. 413).

⁶⁰ Как известно, латунь — сплав меди с цинком, иногда с примесью олова и некоторых других металлов, а бронза — сплав меди с оловом, свинцом и т. п.

⁶¹ См. Соболевский А. И. — РФВ 1911, т. 66, с. 351.

⁶² Встает вопрос о том, не относятся ли к этому ряду и прусские топонимы типа *Mosancz*, 1326, *Mosamczan*, 1365, *Mosencze*, ок. 1400, позже — *Mossens*. При положительном ответе приходится допустить, что, по крайней

однако, глубже. Его ищут или на древнегреческой почве⁶³, или же отождествляют с этонимом Μοσσόνοιχοι⁶⁴, относящимся к народу, обитавшему на сев.-вост. Малой Азии⁶⁵. Связью с этим этонимом можно было бы пренебречь⁶⁶, однако уже то обстоятельство, что они обитали в прибрежных горах к западу от Керасунта, т. е. примерно там, где были раньше хатты, особая роль которых в развитии древней металлургии теперь, прежде всего после ряда исследований В. В. Иванова, не подлежит сомнению, делает гипотезу о связи сев.-вост.-европ. *mos-ing- (условно) как обозначения латуни с этим этонимом соблазнительной и нуждающейся в новой проверке с учетом сильно изменившихся представлений о древних центрах металлургии. В этом контексте обретает новый смысл и старое сопоставление прусск. *kassoye* с др.-греч. κασσίτερος 'олово', остававшимся до сих пор совершенной абстракцией из-за огромного временного и пространственного разрыва между этими названиями, казалось бы ничем не заполненного. Как известно, κασσίτερος (аттич. καττίτερος) отмечено уже у Гомера и Гесиода, а позже в аттических надписях; ср. гомер. χεῦρα κασσίτεροιο 'литьё из олова', κασσίτερίος 'оловянный', κασσίτερᾶς, κασσίτερο-ποιός 'оловянник', 'оловолей', κασσίτερός 'лудить' и т. п. Характерно название Κασσίτερίδες 'Оловянные острова', к юго-западу от Британии. Отсюда олово привозили в Грецию и восточное Средиземноморье (через Таркес), ср. Геродот III, 115; Страбон, Диодор Сицил. Есть мнение, что именно это название (кельтское в своей основе, ср. Nom. pr. *Cassi-velaunus*⁶⁷) и было источником для слова, обозначающего олово в др.-греч. по хорошо известной модели (Κύπρος: лат. *cyprum*, нем. *Kupfer*; лат. *Brundisium* (из мессапск.) — франц. *bronze*, рус. *бронза* и др.). С неменьшим основанием можно, видимо, говорить и о восточных связях κασσίτερος, соотнося это слово с названием коссеев-касситов (аккад. *kašši*), горного народа, жившего в древности в горах Загра, в современном Луристане (в XVIII—XVI вв. до н. э. им была подчинена Вавилония, но и много позже в IV в. до н. э. с ними столкнулся Александр Македонский)⁶⁸. Исключительно интересно, что, по-

мере, части говоров прусского языка было известно это заимствование из немецкого.

⁶³ См. Schwarz E. — ZfslPh 1929, Bd. 5, S. 400; *Idem.* — AfslPh 1929, Bd. 42, S. 304; Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, S. 151 и сл.; Фасмер II, с. 633; Machek 1, 305 и др.

⁶⁴ См. Геродот III, 94; VII, 78; Ксенофонт. Анабасис, V, гл. 4—5 и др. (начиная с Гекатея Милетского). Страбон называет моссинойков 'Ἐπταχωμῆται' 'живущие в семи поселениях'.

⁶⁵ См. Pauly-Wissowa s. v.; Максимова М. И. Местное население юго-восточного Причерноморья по «Анабасису» Ксенофона. — ВДИ, 1951, № 1, с. 250—262 и др.

⁶⁶ Объяснение названия как «живущие в моссинах» (особых высоких домах) обычно считалось народно-этимологическим. Ср. однако: μόσσουν, πύρος (Гесих.) и осет *mæsug*, *mæsyg* 'башня', фриг. Mossyna, фрак. Μόσσουνος и т. п. См. Абаев II, с. 104—107 (там же литература вопроса).

⁶⁷ См. Pisani V. — IdgJb 1935, Bd. 21, S. 239.

⁶⁸ См. Hüsing G. Der Zagros und seine Völker. — Der Alte Orient 1908, Bd. 9;

мимо культур Элама, именно знаменитая луристанская бронза была первой археологически засвидетельствованной культурой, соотносимой с конкретным этносом. Существует авторитетное мнение о том, что луристанская бронза относится именно к *касситам*⁶⁹. В таком случае оправдано предположение, согласно которому *kassi-ti-ra* может пониматься как 'происходящий из страны Касси', — не исключено, что в отнесении к бронзовым изделиям (посуда, утварь, украшения и т. д.), которые вместе с обозначающим их словом начали «эстафетное» движение на запад, а может быть, и на восток⁷⁰. Дальнейшая история этого слова связана с двумя центрами — Балканами и Италией. Похоже, что заимствованное у греков лат. *cassiterum* ('сплав из свинца, серебра и друг. металлов, преимущественно олова', ср. Plin, Major; ср. *Cassiterides*. Pomp. Mela, Plin.) не осталось без продолжения. Возможно, оно сыграло какую-то роль в образовании таких не вполне ясных форм, как ст.-франц. *casserole* (1583, Gay), первоначально южно-французский диалектизм, который наряду с *cassole*, *cassote*, производными от *casse* 'кастриоля', возводят к прованс. *cassa* (< вульг.-лат. *cattia* 'сковорода')⁷¹; дальнейшие вехи — нем. *Kasseroelle*, н.-нем. *Kastroll* (голл. *kastrol*), лтш. *kasruōlis*, рус. *кастрюля*, укр. *кострюля* и т. п. Балканские продолжения были обильнее, надежнее и, возможно, более актуальны в связи с загадкой прусск. *kassoye*⁷². Речь идет прежде всего о ц.-слав. *коситеръ*, *каситеръ*, болг. *коситро*, *коситрън*, с.-хорв. *коситер*, *коситар*, словен. *kosíter*, румын. *cositor*, *costor* с соответствующими производными. Все эти слова содержат элемент *kas-*, *kos-*, который связан с обозначением олова и напоминает прусск. *kas-* в названии латуни (в состав которой входит и олово). Если эти элементы исторически связаны между собой, перед нами еще один пример

Balkan K. Die Sprache der Kassiten, Kassitenstudien I. (=American Oriental Series. Vol. 37). New Haven, 1954.

⁶⁹ См. Minorsky V. — Apollo 1931, v. 13, p. 141 и сл. (=ВДИ, 1959, № 1, с. 220—222); Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961, с. 39, 357; Дьяконов И. М. История Миции. М.—Л., 1956, с. 130. Менее определено: Ackerman Ph. The Luristan Bronzes. N. Y., 1940; Ghirshman R. L'Iran dès les origines à l'Islam. Paris, 1952 и др.

⁷⁰ Ср. араб. *gazdir*; др.-инд. *kastīra* — 'олово', которое обычно рассматривается как заимствование из др.-греч. (Mayrhofer I, S. 192); *Kästira*, *Kästūrika* у Панини IV, 2, 104; VI, 1, 155 (ср. сопоставление прусск. *kassoye* с др.-инд. *kamsá* 'металлический сосуд', 'чаша', 'латунь' In: Wackernagel J. Altindische Grammatik, Bd. 2. Göttingen, 1905, S. 924), а также название острова в Индийском океане *Kassitīra*. Ср. Muhly D., Wertime T. A. Evidence for the Sources and Use of Tin during the Bronze Age of the Near East. — World Archaeology, 1973, v. 5, p. 111—112; Muhly J. D. The Trade Routes of the Bronze Age. — American Scientist 1973, v. 61, p. 404—413; Mellink M. J. Ancient Metals Trade. — Science 1974, v. 185, p. 52—53; Иванов В. В. — Baltistica 1977, XIII, с. 234.

⁷¹ См. Dauzat, p. 147 и др.

⁷² Следует помнить и о турецком по происхождению общебалканском названии олова: тур. *kalay* (от названия *Qala(h)* на Малаккском п-ове), болг. *калай*, макед. *калај*, н.-греч. *καλάι*, румын. *călăiu*, арум. *călăi*, алб. *kallaj*, с.-хорв. *калай*, *kălaj*, цыган. *калай*.

культурных балто-балканских параллелей, в которых с балтийской стороны принимает участие именно прусский язык, наиболее активно (и, видимо, с наиболее раннего времени) участвующий в этих связях. Однако не исключено, что может быть восстановлено и важнейшее промежуточное звено этой цепи. Речь идет о польск. *kositarz*, *kosiciarz* «*pomocnik w hucie żelaznej*, leżący wodę na młot, gdy wyciągają pod nim szynę, zalewający ogień, donoszący węgle i t. p., zalewacz < нем. *Kohlschütter*». Warsz. II, 487; — «*W hutach żelaznych, gdy szynę wyciągnioną równać i gładzić potrzeba, chłopiec po naszemu kosiciarz kijem bije w wodę okołokowadła będącą*. Os. Rud. 335. . . *Kositarz leje wodę na młot, ta z młota spływając oblewa szynę*. Ibid, 303». Linde II, 456. Это в целом темное слово трактуется как Nom. agent. на -*arz* при том, что соответствующий глагол, кажется, неизвестен. Зато фонетическая близость польского слова с рассмотренными выше словами для олова подкрепляется и семантическим (и, если угодно, ритуальным) параллелизмом: лить воду на огонь в кузнице (в технологическом и мифопоэтическом аспекте) — лить олово ‘лудить’ (т. е. покрывать предмет расплавленным оловом) и ‘производить святочное гадание’,ср. *оловолéй*, *оловолíятель*, *оловогадáтель* ‘отливающий олово в воду для гаданья, предсказаний’ (Даль II, 1737;ср. также *оловáнnyй* глаз, т. е. недобрый, лукавый; ритуальную формулу *мое слово, что о л б в о; я сказал, что запаял с индоевропейскими параллелями и т. п.*). Естественно, возникает вопрос о возможности видеть в этом польском слове результат вырождения старого обозначения олова, имеющего прочные балканские связи. Если бы это предположение подтвердилось, то прусск. *kassoye* можно было бы понимать как результат дальнейшего опрощения и дегенерации словообразовательной структуры (ср. ‘отпадение’ -*r* и — соответственно — переход masc. в fem. на -*e?*). На этом уровне можно выдвинуть и некоторые «предконъектурные» проблемы — так, в прототексте Эльбингского словаря 526-ое слово могло, напр., иметь вид *kassite. Учитывая написание *t* в этом словаре как незавершенного округлого *o* с разрывом справа вверху, не исключено, что переписчиком *kassite было истолковано как *kassioe, откуда близко и до метатезированного варианта **kassoie=kassoye*⁷³. При всей гадательности и, так сказать, уникальности этих преобразований они достойны внимания как попытка объяснить почти заведомо испорченное слово, к которому, скорее всего, могут быть применены не типовые, а экстраординарные средства решения. Понятно, остается возможность и других объяснений, в частности, традиционных. Ср., например, связь с балт. **kas-* ‘копать’ (ископаемое, «копкий», рыхлый как обозначение руды, металла, ср. рус. *крушéц*, между прочим, в связи с оловом). Однако пока подобные объяснения кажутся менее вероятными, чем приведенные выше.

⁷³ Любопытно, что соотношению *kassoye: kasit-(er)-* в словообразовательном плане соответствуют два варианта этнического наименования — *коссеi:* *касситы*.